

гипотез. Авторы отмечают, что в условиях возрастающей мобильности условий жизни народов и регионов классические приемы сбора информации все чаще используются на первом этапе исследования, то есть для предварительного обследования изучаемого объекта (с. 147). Развивая эту мысль, хочется представить себе в идеале развитие исследований каждого объекта как своего рода «слоеный пирог». Предварительное обследование классическими методами дает возможность поставить проблемы для представительного статистико-этнологического исследования. В свою очередь потребность в более углубленной интерпретации массовых данных требует привлечения методов, нацеленных не на статистическую представительность, а на глубину понимания отдельных ситуаций. Причем имеются в виду как классические, так и некоторые сравнительно недавно распространившиеся методы, например, метод изучения автобиографий. Выводы, полученные на этом этапе, могут стать основанием для выдвижения свежих гипотез, для постановки новых и корректировки старых задач, решать которые призвано будет следующее массовое исследование, и так далее. К сожалению, в этой книге, написанной на высоком научном уровне и чрезвычайно полезной, оказались и некоторые недостатки. Некоторые положения сформулированы не вполне ясно (например, гипотеза и задача 39 на с. 139–140). Отдельные высказывания вызывают сомнения. Так, не вполне ясно, почему из ослабления связи признаков, характеризующих материальную культуру, непременно должно следовать, что последние приобретает значение этнических символов (с. 99).

Видимо, досадной случайностью можно объяснить и утверждение авторов о том, что «все социальные (в том числе этнические) явления обладают такими качественными характеристиками, которые могут быть упорядочены в определенной последовательности» (иными словами, измерены в порядковой шкале? – А.К.) (с. 154). Тем более, что на последующих страницах описывается набор свойств, возможности и ограничения каждой из измерительных шкал.

При перечислении пакетов статистической обработки данных на компьютере (с. 236), к сожалению, не упомянуты наиболее распространенные, такие как *SPSS*, *Statpac*, *САНИ*, а программа *Statgraphics* (имеющая русский вариант Статмастер) почему-то названа *Statgraf*. В то же время упоминается база данных *Paradox*, специально не приспособленная для такого рода задач, и использование которой для этой цели может быть рекомендовано лишь при условии дополнительной работы программиста. Да и в этом случае возможности данного пакета для статистической обработки данных будут весьма ограниченными. Впрочем, отмеченные недостатки весьма немногочисленны и отнюдь не снижают важного значения выхода в свет данного пособия, крайне необходимого и студентам-этнологам, и всем специалистам, желающим повысить свою квалификацию в данной сфере. В случае подготовки книги к переизданию хотелось бы пожелать немного расширить пособие. В частности, можно было бы дать краткую историографию становления статистико-этнологического подхода в отечественной науке, а также упомянуть о зарубежных исследователях-этнологах, использующих в своих работах методы массовых опросов и математико-статистическую обработку данных (например, об американском исследователе *T. Fricke*).

А.Д. Коростелев

© 1997 г., ЭО, № 2

Э.Х. Папиев. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. 302 с.

Эта книга могла бы быть названа вдвое короче, например, «этнопсихологические черты адыгов в историческом аспекте». Но дело не в названии, а в содержании. Ознакомление же с содержанием убеждает нас, с одной стороны, в том, что эта книга интересная, полезная, нужная, с другой – что она, к сожалению, содержит немало ошибочных, непроверенных положений.

Начнем с последних. Несмотря на свою относительную многочисленность, они носят все-таки частный, во многом случайный характер.

С первых же страниц I главы – «Введение в проблему» – можно заключить, что не следовало автору даже пытаться обозначать «...некоторые характерные черты этой эволюции [человечества – С.А.], отметив ее биоисторические параметры». Если и можно понимать (с. 8) «хомо» как род, а «хомо сапиенс» как его вид, то «все его последующие разделения на подвиды, семейства и т.д.» (!), конечно, не имеют отношения «к соответствию биологической классификации». Столь же излишни и не соответствуют современному уровню знаний и экскурсы в область фауны Полинезии (с. 11), и рассуждения о связи каннибализма с потребностью в животном белке, и ряд других аналогичных пассажей. Это тем более досадно, что здесь же (с. 13–17), анализируя механизм генезиса этнического неприятия, сопоставления-противопоставления, его стадийного аспекта, основных оппозиций этнического противопоставления, автор предлагает достаточно оригинальную и операциональную модель подхода к проблеме, в частности, различая «жесткие» и «гибкие» звенья системы, показывая роль преобладания «жестких» звеньев в поддержании этнического гомеостаза. Да и рассмотрение межэтнического взаимного неприятия как варианта неприятия межвидового вовсе не лишено глубокого смысла, если только снабдить его оговоркой, что этнос – это не вид, не биологическая категория, а функциональный аналог вида, действующий в специфически человеческом, небологическом, культурном контексте (такая оговорка сделана, но лишь много ниже, на

с. 254). Вполне правомерно и корректно раскрыты автором и такие аспекты противостояний, как хозяйственно-культурный, ландшафтно-топографический, и в особенности конфессиональный. Интересно также рассмотрение расово-антропологического и стационарно-миграционного аспектов противостояния.

Возвращаясь к разбору явных ошибок и недостатков рецензируемого труда, отметим очень некорректное, методически невыдержанное отношение к проблемам этимологии и словосопоставлений. К сожалению, этим недостатком грешат довольно многие кавказоведческие (да и не только кавказоведческие) работы последних лет, когда их авторы с необыкновенной легкостью, не утруждая себя ни следованием правилам сравнительного языкознания, ни обращением к этимологическим словарям, сравнивают случайно, внешне похожие слова и делают на этом основании далеко идущие выводы.

Этноним *зихи* (*джихи*) так же загадочен, как и другой староадыгский этноним – *касоги*, и есть много точек зрения на их интерпретацию, о чем в книге дается достаточно представление. Но никак нельзя ставить «в один семантический ряд этноним "джик", термин "джигит" и украинское "джигун", как аналогичные кабардинскому "джегун" и адыгскому "джегу"» (с. 63), как это делает Э.Х. Панеш. С таким же успехом можно было бы поставить в этот же ряд итальянское «джиголо» (наемный танцор и альфонс) и английское «джиг» (пляска), к стати сказать, даже между собой не имеющие общей этимологии. И хотя концепция сино-кавказского языкового родства имеет немало сторонников, родство это относится к эпохе столь древней, что не дает никаких оснований связывать, даже гипотетически, адыгов и динлинов, адыгскую фамилию Даур и страну Даурию, не говоря уже о чисто случайном созвучии адыгского «джегун», китайского «цигун» (боевые искусства), японского «сёгун» (военачальник), имеющих совершенно разный корневой состав (с. 67–69). Подобные ненаучные упражнения могут лишь дискредитировать труд, который в других своих частях опирается на вполне достоверные данные. Столь же бесосновательны и этимологические сопоставления этнонима «касог» (с. 90–95).

Использование тех или иных терминов в качестве экзоэтнонимов вообще столь часто не подчиняется никаким закономерностям и носит столь причудливый характер, что любые выводы на их основании должны делаться крайне осторожно и подвергаться тщательной перепроверке. Трудно сказать, например, почему термином *эбзе* (идентичным с древнерусск. *обезы*) карачаевцы называют именно сванов, а не всех грузин, и тем более не абазин и не абхазов, а кабардинцы, напротив, всех грузин именуют термином «сона», восходящим к этнониму «сван». Точно так же не следует, видимо, искать какой-либо логики в употреблении соседями адыгов различных терминов, этимологически связанных с «джихи» и «касоги». Другое дело, что различение этих двух категорий как разных протоадыгских племенных союзов или соплеменностей, с несколько разной социальной и хозяйственной структурой, разными территориальными центрами и разным профилем самосознания, очевидно, не только возможно, но и необходимо.

Перейдем, однако, от критических замечаний в адрес труда Э.Х. Панеш к констатации его позитивных сторон, тем более что все-таки именно они доминируют в этой книге. Прежде всего это обширная, выполненная со знанием предмета панорама исторической ретроспективы общественного быта адыгов в прошлом, его этнического осознания, соотношения в нем подвижности и оседлости, производительного труда и набегов, нормативных структур и известной анархии, роли побратимств, братств, союзов и других гибких и подвижных, и именно благодаря этому на редкость устойчивых институтов. Она составляет наибольшую познавательную ценность во II главе – «Этногенез и ранние формы самосознания».

III глава – «Формирование религиозных воззрений как отражение этно- и психогенеза». В ней значительное внимание уделено христианскому этапу в быту адыгов, его отражению в народном сознании, следам воздействия иудаизма. В тесно сплетенном с языческими культами виде народное христианство адыгов, как субстрат, прослеживается и ныне под не очень глубоким пластом исламского суперстрата. «В итоге... воцарилась своеобразная полиморфность религиозного сознания. Высокая степень синкретизма не привела к жесткому конфессиональному противостоянию» (с. 141). Соответственно конфессиональный фактор не сыграл существенной роли в этнической консолидации адыгов, в выработке общэтнического сознания идентичности. Вместо него, по мысли автора, «доминирующим социальным фактором... стала система традиционной военной организации» (с. 142). На этих страницах, в конце III главы, сформулирован очень важный тезис о силовом потенциале разных факторов объединительных процессов, о роли каждого фактора как силовой емкости – либо факторов много, тогда каждый из них может быть и не слишком сильным, либо их меньше, но тогда либо силовое наполнение каждого из них, либо время воздействия должно увеличиться. Сильнейшему из этих факторов процесса консолидации адыгов, их традиционной военной организации, посвящена IV глава книги.

Это хотя и не самая большая, но одна из самых ценных и содержательных глав книги. Автор ставит во главу угла этнокультурный комплекс всадничества, дающий сходные закономерности в разных географических регионах. Этот комплекс предопределил многие социальные параметры адыгского общества, в том числе формы социальной зависимости, регламентацию войн и набегов, обрядность, этикет, профиль духовной культуры, тайный язык, этническую текучесть и многое другое. С большим знанием дела показано отражение военно-всаднического стиля жизни адыгов в их одежде, доспехах и вооружении, спортивных играх и тому подобным формам культуры.

Последние страницы этой главы (с. 178–179) – выводы. Они настолько емки и значительны, что их следовало бы процитировать полностью, но объем рецензии вынуждает резюмировать их. Стержневая часть культуры, в данном случае военная организация, может приобрести и самодовлеющее значение, «не связанное вообще с удовлетворением жизненных потребностей». Она может гипертрофироваться, иметь экстремальные проявления, быть подстегнута историческими случайностями (в данном случае – долгой Кавказской войной), может в иных условиях как будто даже исчезнуть, уйти в прошлое, уступить место

«новым формам существования социального организма», но сохраняясь в латентной, скрытой форме, в определенный момент дать новый всплеск. Добавлю от себя: не такой ли новый всплеск, казалось бы, благополучно забытых модусов этнического бытия злополучно вызвала к жизни сегодня чеченская авантюра России?

Остальные главы книги посвящены проблемам социализации, т.е. в основном воспитания молодого поколения, и таким связанным с ним институтам, как аталычество, интериоризация всаднических норм поведения, избегания, женской социализации (V глава); потестарным традициям, лидерству, обычному праву, ораторскому искусству (VI глава); механизму складывания этнических стереотипов, межэтнических оппозиций, включенности норм этикета и обычного права в комплекс этнического самосознания, наконец, интенсификации этнического самосознания и его политических проявлений в последние годы (VII глава).

Помимо общего как познавательного, так и теоретико-методологического значения этих глав, отметим, что они содержат большой объем частной, конкретной, но в высшей степени интересной и ценной информации. Здесь можно привести лишь несколько примеров: влияние оппозиции «город – деревня» на специфику социализации городской молодежи (с. 198), ревитализация и повторное обретение престижности проявлений национальной специфики, взаимоотношения субэтнических групп в современном контексте, в частности, особое положение бжедугов как одновременно и наиболее элитарной, и наиболее деэтнизированной группы, инверсия доминирующего статуса «верхов» и «низов» в советское время, разное проявление идеи общедядьского единства у разных групп адыгов, и многое другое.

Подведем итоги. Нет сомнения, что труд Э.Х. Панеш вносит значительный вклад в современное кавказоведение, способствует более глубокому пониманию явлений, имеющих место сегодня не только в адыгской, но и в общекавказской среде, показывает их этнопсихологическую, историческую, этногенетическую подоплеку. Книги такого рода очень нужны, особенно в нынешней нестабильной этнополитической ситуации. С другой стороны, как и труды многих других наших коллег – представителей молодых этнографических школ кавказских национальных регионов, он парадоксальным образом сочетает глубокое проникновение в специфику культуры родного народа, настоящий хороший профессионализм в ее анализе с поверхностными, нередко дилетантскими подходами и экскурсами, когда дело касается более дальних этнографических и лингвистических аналогий и кросс-культурных сопоставлений. Думается, что это не в последнюю очередь связано с ослаблением научной межпоколенной трансмиссии, с падением престижа и влияния старшего поколения столичной (московско-петербургской) школы академической науки и с общим бедственным состоянием, в котором эта наука находится сегодня.

С.А. Арутюнов

© 1997 г., ЭО, № 2

Э.Х. П а н е ш. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. 302 с.

Монография Э.Х. Панеш наверняка привлечет внимание специалистов в области этнопсихологии, этнополитологии, а также истории и культуры адыгов. Название и оглавление книги содержат заявку на углубление в весьма актуальную и сложную проблематику. Книгу и просто приятно взять в руки – настолько хорошо, при сегодняшней бедности науки, она издана. Однако ознакомившись с содержанием, невольно задаешься вопросом, зачем эта книга была написана.

Судя по всему, задача автора состояла в том, чтобы на конкретном материале по адыгам исследовать этнопсихологические вопросы и показать их влияние на межэтнические отношения в регионе Западного Кавказа. Правда, сама Э.Х. Панеш в одном месте формулирует цель несколько иначе, намереваясь посвятить свой труд «...рассмотрению исторических условий психогенеза и формирования психологии этноса» (с. 6). Возможно, неудачно выбрано название книги – оно предполагает несколько иное. Впрочем, название неудачно в любом случае, поскольку трудно представить, как могут взаимодействовать этническая психология и межнациональные отношения, которые сами суть взаимодействие. Как бы там ни было, читателям предлагается нечто гораздо большее, нежели просто изложение истории адыгов, причем автор определенно дает понять, что ее исследование имеет прямое отношение к проблеме межэтнических отношений в наши дни («Предисловие»).

В монографии можно выделить две главные тематические линии – история и культура адыгов и формулирование неких концепций в области этнопсихологии и межэтнических отношений, причем эти линии, как следует ожидать, должны тесно переплетаться.

Сразу замечу, что не будучи специалистом по Кавказу, я не возьмусь подробно разбирать первую линию, хотя и просто с точки зрения человека с историческим и этнологическим образованием, в ней содержится немало сомнительных и странных моментов. Так, если судить по привлеченным источникам и литературе, то за последние лет двадцать кавказоведы почти ничего не написали. Возможно, именно недостаточным знанием Э.Х. Панеш публикаций объясняется, например, то, что она довольно обстоятельно

описывает патронимию у касогов (с. 95), хотя со времен М.О. Косвена взгляды на институт патронимии существенно изменились вплоть до его полного отрицания многими учеными. Э.Х. Панеш никак не определяет свою позицию в этом вопросе. Противоречива интерпретация автором книги этнической истории адыгов. С одной стороны, она постоянно пишет о едином адыгском этносе, а с другой стороны, упоминает входящие в этот этнос адыгские народы. В результате остается неясным, какое же место занимают они в этнической классификации и что такое этнос.

В работе множество пространных экскурсов в историю и культуру народов, обитающих от Океании до Чукотки и Европы. Тематика этих отступлений простирается от трупоядения у первобытных народов до, например, модернизации штюка французским маршалом Вобаном. Подобные «кросс-культурные» изыскания, возможно, соответствуют моде, но не укладываются в какую-либо концепцию, абсолютно не связаны с адыгской тематикой. Столь же чужеродными для данной тематики и абсолютно необоснованными выглядят ставшие нормативными в публицистике филиппики в адрес советской политической системы. Автор пишет, например, о том, что «естественным образом (?) в обществе поддерживалась психологическая нестабильность, острие которой было направлено не на существующий режим, а на отдельные национальные регионы и их представителей и шире – на конкретные этносы...» (с. 23), что искажалось психология целых народов (с. 24). Первый тезис в принципе может быть предметом обсуждения, а второй – совершенно непонятен. Столь же неясно утверждение – и опять-таки без объяснений – о том, что культивировалась «низкая социальная престижность», а в «этническом выражении» это означало «некий социально однородный стереотип» (с. 24). От ученого ждешь большего, нежели огульные обвинения павшего режима.

О самих адыгах, а также их предполагаемых предках – касогах, скифах – автор написала, кажется, все, что о них знала. Э.Х. Панеш описывает их историю, в которую ей не удалось добавить ничего существенно нового, религиозные представления (Гл. 3), традиционную военную организацию (Гл. 4), причем как раз здесь приведены рассуждения о маршале Вобане, шотландской гвардии Людовика XI, военно-политических блоках НАТО, СЕАТО, Варшавском пакте, коневодстве и развитии оружейного дела у адыгов и пр. о социализации детей и подростков (Гл. 5). Все это, по заверению автора, важно для исследования основной темы книги, но почему важно, каковы механизмы формирования психологии адыгов, так и остается неясным. Было бы полной банальностью сказать, что все взаимосвязано. Задача ученого, наверное, в том и состоит, чтобы выявить характер наиболее существенных для данной проблемы отношений, корреляций, причинно-следственных связей. Но именно этого в книге нет.

Итак, «адыгская линия» в монографии представлена как вполне самостоятельный сюжет, мало связанный с линией «этнопсихологической» и, к тому же, не систематизированный посредством какой-либо операционной концепции. Исследование межэтнических отношений сводится к фрагментарным замечаниям о том, что адыги соседствуют и тем или иным образом взаимодействуют с русскими, армянами, турками-месхетинцами.

Справедливо замечание автора о том, что при исследовании межэтнических контактов надо учитывать исторические факторы (с. 275). Однако прежде всего надо исходить все же из факторов современных и действительно исследовать реальные межэтнические отношения. Но это-то в книге и не исследуется. Утверждение Э.Х. Панеш, что она использовала собственные полевые материалы, выглядит сомнительным, поскольку никаких следов таких материалов, если они вообще есть у автора, в тексте не обнаруживается. Поэтому, например, рассуждения о характере этнического самосознания адыгов (с. 269, 302), о современной оппозиции «адыги – русские» (с. 261) новисают из-за отсутствия ссылок на какие-либо фактические данные. Приходится только удивляться одному из самых интригующих выводов автора о том, что «скифский и мамлюкский пласты в исторической самоидентификации адыгов занимают существенное место, оформляя наиболее социально престижную часть этнического самосознания» (с. 245). На чем основан этот вывод, что знают современные адыги о скифах и мамлюках? Столь же голословными выглядят утверждения о том, что к середине 1980-х гг. общеэтническое самосознание адыгов стремительно падало, а в последние годы стало возрождаться. Возможно, такое утверждение и верно, но это надо доказать.

Этнопсихологическая теория тоже оказывается не связанной с прочими сюжетными линиями и тоже представлена достаточно своеобразно. Своеобразие начинается с подбора литературы. Работы некоторых зарубежных авторов, касающиеся межэтнических отношений и конфликтов, присутствуют в справочном аппарате, но конкретных ссылок на них не дается. А работ авторов отечественных – по этнопсихологии и этническому самосознанию – практически нет, хотя за последние 15–20 лет их вышло немало, включая солидные монографии.

Главным авторитетом для Э.Х. Панеш является физиолог Н.М. Бехтерева. Размышления автора об этнических стереотипах, межэтнических отношениях, конфликтах имеют явный уклон в область психиатрии, а основной методологический принцип, избранный ею, выглядит просто малопонятным, поскольку он не раскрывается в контексте рассматриваемых проблем. «Динамика сложения психологии этноса и различные хронологические срезы позволяют определить взаимозависимость различных этнокультурных категорий и выделить наиболее устойчивые признаки, сформировавшие в результате этническую культуру социума в целом» (с. 5).

Склонность к психиатрическому подходу объясняется, по всей видимости, общими методологическими установками Э.Х. Панеш, которые заключаются в биологизации человеческой природы и истории человечества. Так, по ее мнению, «...ранние этапы истории человечества мы можем понимать, с известной долей условности и вместе с тем не боясь формальной биологической привязки, как процесс видообразования» (с. 8), а «дальнейшие подразделения человечества, такие, как расы, народы и т.д. достаточно легко укладываются в биологическую классификацию» (с. 9). При этом автор оговаривается, что еще «преждевременно» (?) рассматривать историю человечества сквозь призму этой классификации (с. 9), однако эта оговорка выглядит как эвфемизм ее очевидного биологизаторского подхода. Разумеется, ученый имеет право на выбор методологии, но хотелось бы увидеть какие-то новые и достаточно серьезные аргументы в пользу давно устаревшего и маргинального в современной науке биологизаторского подхода.

Психика и психология – это взаимосвязанные, но все же разные вещи. Социально-психологические (в том числе этнические) стереотипы обусловлены не только особенностями человеческой (индивидуальной) психики, но и прежде всего социальными условиями жизни, взаимодействием групп людей, а не индивидов. Похоже, эти, достаточно очевидные для современной науки вещи прошли мимо внимания Э.Х. Панеш. Если же она принципиально стоит на своей позиции, то ее следовало бы аргументировать.

Читатели могут спросить, зачем писать рецензию, если рецензент не нашел в книге практически ничего положительного? Это ведь и не в традициях отечественной этнологии, в которой больше приняты хвалебные рецензии. А затем, что сегодня, когда наука освободилась от цензуры, резко возросло значение самоцензуры, ответственности ученого за то, что он делает и пишет. К сожалению, свобода научного творчества нередко выливается в дилетантские, конъюнктурные упражнения.

С.В. Чешко